

Дело № 113

Париж потрясен дерзкой кражей! Тысячи франков похищены из запертого сейфа в банке господина Фовеля. Ключ от него был только у самого банкира и его доверенного приказчика, Проспера Бертоми, и лишь они двое знали секретное слово. Каждый клянется честью, что не открывал злосчастный сейф. Полиция берет под стражу приказчика, хотя улики и не указывают на него. Дело деликатное и запутанное. Ведь племянница Фовеля, очаровательная Мадлена, кажется, влюблена в Проспера. Неужели ее дядя решился на оговор, чтобы избежать неравного брака? Разгадать тайну ограбления под силу только Лекоку, знаменитому начальнику сысской полиции!

ТОЛЬКО

ИГРА

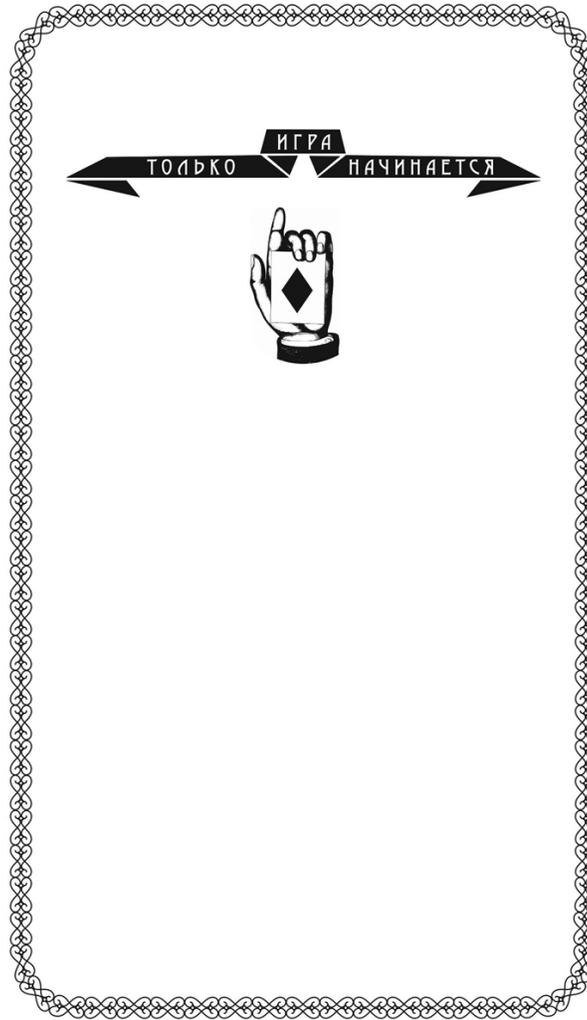
НАЧИНАЕТСЯ

ЭМИЛЬ ГАБОРИО

ДЕЛО № 113

КСД

ИГРА
ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ

ЭМИЛЬ ГАБОРИО

ДЕЛО № 113

Роман

ХАРЬКОВ 2022 КСД

КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2022

ISBN 978-617-12-9521-6 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Перевод с французского

Дизайнер обложки *Евгений Вдовиченко*

Париж вражений зухвалою крадіжкою! Тисячі франків викрадено із замкненого сейфа в банку пана Фовеля. Ключ від нього був тільки в самого банкіра та його довіреного прикажчика, Проспера Бертомі, і лише вони знали секретне слово. Кожен присягається честю, що не відкривав злощасний сейф. Поліція бере під варту прикажчика, хоча докази не вказують на нього. Справа делікатна та заплутана. Адже племінниця Фовеля, чарівна Мадлена, здається, закохана у Проспера. Невже її дядько зважився на обмову, щоб уникнути нерівного шлюбу? Розгадати таємницю пограбування до снаги лише Лекоку, знаменитому начальнику розшукової поліції!

Габорио Э.

Г12 Дело № 113 : роман / Эмиль Габорио. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2022. — 288 с. — (Серия «Игра только начинается»)

ISBN 978-617-12-8652-8 (серия)

ISBN 978-617-12-9281-9

Париж потрясен дерзкой кражей! Тысячи франков похищены из запертого сейфа в банке господина Фовеля. Ключ от него был только у самого банкира и его доверенного приказчика, Проспера Бертоми, и лишь они двое знали секретное слово. Каждый клянется честью, что не открывал злосчастный сейф. Полиция берет под стражу приказчика, хотя улики и не указывают на него. Дело деликатное и запутанное. Ведь племянница Фовеля, очаровательная Мадлена, кажется, влюблена в Проспера. Неужели ее дядя решился на оговор, чтобы избежать неравного брака? Разгадать тайну ограбления под силу только Лекоку, знаменитому начальнику сыскной полиции!

УДК 821.133.1

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2022
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2022

Глава 1

Во всех вечерних газетах в среду 28 февраля 186... года, в отделе хроники, было напечатано следующее: *«Сегодня утром вся улица Прованс была взволнована дерзкою кражей, совершенной у почтенного парижского банкира господина Андре Фовеля. С необыкновенной смелостью злоумышленники проникли в контору и, взломав кассу, которая считалась положительно несокрушимой, похитили из нее банковские билеты на сумму триста пятьдесят тысяч франков. Тотчас же прибыла полиция, ревностно принявшаяся за поиски, которые и увенчались успехом; передают, что в краже заподозрен один из приказчиков банкирского дома П. Б., который уже арестован. Можно надеяться, что и его сообщники скоро попадут в руки правосудия».*

Целых четыре дня Париж не мог успокоиться и только и говорил, что об этой краже. Триста пятьдесят тысяч были действительно похищены у господина Андре Фовеля, но несколько иначе, чем описывалось в газетах. Приказчик был действительно арестован, но только в виде предупреждения и пресечения, так как против него не нашлось ни одной весомой улики. Такое громадное воровство так и осталось загадочным и необъяснимым.

Касса открывалась посредством замка с алфавитом. Прежде чем воткнуть ключ в скважину, нужно было расставить буквы в том самом порядке, в каком они находились в тот момент, когда касса запиралась. Как и везде в таких случаях, господин Фовель запирал кассу на какое-нибудь слово, которое он время от времени менял. Это слово было известно только одному банкиру и его кассиру. Каждый из них имел свой особый ключ. Слово это было: «Сезам, откройся!». Касса открывалась при наборе этого слова. И было бы очень опасно позабыть его.

Глава 2

Двадцать восьмого февраля приказчики банкирского дома сошлись на службу по обыкновению к девяти часам утра. В половине десятого каждый из них уже сидел за своим столом, когда в контору вошел какой-то господин и спросил, может ли он видеть главного кассира. Ему ответили, что кассира еще нет, а касса открывается только в десять часов утра.

— Я полагал, — сказал господин, — что распоряжение уже отдано, так как я говорил вчера с господином Фовелем. Я — граф Луи Кламеран, владелец Олоронских каменноугольных копей; я пришел взять от вас тридцать пять тысяч франков, порученных вашему дому моим покойным братом, которому я наследую по закону. Странно, что до сих пор еще не сделано указаний...

— Кассира пока нет... — отвечали ему приказчики. — Без него мы ничего не можем.

— Тогда отведите меня к господину Фовелю!

Приказчики не знали, чем ему помочь, пока, наконец, один из них, Кавальон, не сказал ему:

— Хозяин только что вышел. Его нет.

— Тогда я зайду в другой раз! — проворчал Кламеран.

И он вышел, даже не сняв на прощание шляпы.

— Этаким ведь невежа! — огрызнулся ему вслед Кавальон. — А вот как раз и Проспер!

Вошел господин Проспер Бертоми, главный кассир банкирского дома Андре Фовеля, — красивый, высокий блондин тридцати лет, одетый по последней моде.

— Ах, вот и вы! — воскликнул Кавальон. — Вас здесь спрашивали.

— Кто это? Уж не владелец ли каменноугольных копей?

— Он самый.

— Ну что ж! Зайдет в другой раз! Мне сегодня не удалось прийти пораньше, поэтому я еще вчера принял меры...

Весело болтая, Проспер открыл кабинет и вошел в него, затворив за собою дверь. Затем дверь эта вдруг распахнулась, и в ней показался кассир, еле держась на ногах.

— Украли! — пробормотал он. — Меня ограбили!..

Физиономия Проспера, его хриплый голос и дрожь показывали в нем такое волнение, что все приказчики вскочили со своих мест и окружили его.

— Украли? — посыпались вопросы. — Где, как, кто?

Мало-помалу Проспер пришел в себя.

— Утащили все, что было в кассе, — сказал он наконец.

— Неужели все?

— Да, три пакета по сто билетов, в тысячу франков каждый, и один — в пятьдесят билетов. Все четыре пакета были вместе завернуты в лист бумаги и перевязаны веревкой.

Весть о воровстве с быстротой молнии облетела весь банкирский дом. Любопытные сбежались со всех сторон и наполнили кабинет.

— Осмотрите кассу! — сказал Кавальон. — Цела ли она?

— Совершенно цела.

— И тем не менее...

— Я вчера лично вложил в кассу триста пятьдесят тысяч франков, а сегодня их уже нет.

Все молчали. Только один старый приказчик нарушил это молчание.

— Не теряйте голову, господин Бертоми, — посоветовал он. — Возможно, что деньгами распорядился сам хозяин.

Несчастный кассир воспрянул духом. Он ухватился за эту идею, как утопающий за соломинку.

— Да! — воскликнул он. — Вы правы! Это хозяин. — А затем в глубоком отчаянии он продолжал: — Нет, это невозможно! За все пять лет моей службы господин Фовель никогда не открывал кассу без меня. Два или три раза ему как-то понадобились деньги, и он в эти разы или дожидался меня, или же посылал за мною. Но без меня он кассу не открывал никогда.

— Все-таки вы обратитесь к нему, — возразил другой приказчик, Кавальон. — Нечего отчаиваться!

Андре Фовель тем временем уже сидел у себя в кабинете. Один из писцов поднялся к нему и рассказал ему обо всем. В то самое время как Кавальон советовал обратиться к хозяину, он уже появился в дверях. Новость, сообщенная ему писцом, поразила его, потому что, обыкновенно розовый, он был бледен как полотно.

— Что такое? — спросил он у приказчиков, которые почтительно расступились перед ним. — Что случилось?

— Милостивый государь, — обратился к нему кассир, — ввиду платежа, который, как вам известно, мы должны были совершить сегодня, я взял вчера вечером из банка триста пятьдесят тысяч франков.

— Почему вчера? — воскликнул банкир. — Кажется, тысячу раз я просил вас брать из банка деньги только в день платежа, а не накануне.

— Я знаю это, господин Фовель, мне очень грустно, но случилось именно так. Вчера вечером я положил туда эти деньги, а сегодня их уже нет. Тем не менее касса цела.

— Вы с ума сошли! — закричал Фовель. — Вы бредите!

Эти слова уничтожили всякую надежду, но ужас положения придал Просперу ту безучастную подавленность, которая является следствием неожиданных катастроф.

— Я еще в своем уме, — отвечал он почти спокойно, — я не брежу и говорю только то, что есть.

Его спокойный тон вывел из себя Фовеля. Он схватил его за руку и грубо потряс ее.

— Говорите же! — закричал он. — Говорите! Кто же, по-вашему, отпер кассу?

— Не знаю.

— Кроме вас и меня, больше никто на свете не знал слова. Ключи от кассы только у вас и у меня.

Это было уже формальным обвинением, по крайней мере, так поняли все.

— Во всяком случае, не я взял эти деньги, — отвечал Проспер.

— Несчастный...

Проспер отступил на шаг и, уставившись на Андре Фовеля, прибавил:

— Это вы!

Банкир угрожающе поднял руку, и неизвестно, чем бы это закончилось, если бы вдруг не послышался резкий разговор в передней. Кто-то хотел войти и, несмотря на протесты прислуги, все-

таки вошел. Это был Кламеран. Он ничего не желал знать и, не снимая шляпы, направился к кассе и тем же грубым тоном заявил:

— Уже десять часов пробило, господа!

Никто не отвечал ему. Тогда он направился прямо к банкиру и закричал на него:

— Наконец-то, милостивый государь, мне посчастливилось увидеть вас! Сегодня утром я уже был у вас, но касса оказалась запертой; кассир еще не приходил, и вас самого не было тоже.

— Вы ошибаетесь, я сидел у себя в кабинете.

— Меня уверяли в противоположном, и вот господин, который мне сообщил, что вас вовсе не было в конторе!

И он указал на Кавальона.

— Но этого мало, — продолжал он. — Я прихожу сюда вновь, и на этот раз меня даже не хотят впускать. Скажите прямо: могу я получить свои деньги или нет?

Фовель задрожал от гнева и покраснел от стыда.

— Я попросил бы у вас одолжения, — произнес он наконец упавшим голосом, — дать мне маленькую отсрочку.

— Но ведь вы сами обещали мне, что...

— Да, вчера. Но сегодня утром я узнал, что меня обокрали на триста пятьдесят тысяч франков.

— И долго мне еще придется ждать? — спросил с иронией Кламеран.

— Пока не съездят в банк. — И тотчас же, повернувшись спиной к Кламерану, Фовель обратился к кассиру: — Заготовьте немедленно ордер, — велел он. — Пошлите его как можно скорее. Прикажите взять карету, чтобы не растерять по дороге и эти деньги!

Проспер не пошевелился.

— Вы слышите? — повторил ему банкир, едва сдерживая себя.

Кассир встрепенулся.

— Бесполезно посылать в банк, — холодно отвечал он. — Ваш текущий счет в банке составлял около пятисот тысяч франков, и теперь там осталось чуть больше ста тысяч.

— Отличная комедия! — пробормотал Кламеран. — Но это только комедия, и больше ничего. Я ведь тоже не дурак! Я приму меры.

— Будьте спокойны, милостивый государь, — обратился к нему банкир, — у меня есть и другие источники для платежа. Подождите

немного, я сейчас выйду.

Он пошел к себе в кабинет и через пять минут снова возвратился из него, держа в руках письмо и связку каких-то документов.

— Кутюрье, — обратился он одному из приказчиков. — Возьмите мою карету и поезжайте вместе с господином Кламераном к Ротшильду. Передайте ему это письмо и документы. Вам выдадут там триста тысяч франков. Вручите их этому господину. Живо!

Приказав служащим заняться делом, банкир после долгого молчания обратился к Просперу.

— Нам нужно объясниться, — сказал он, — идите к себе в кабинет.

Кассир молча повиновался. За ним последовал банкир, затворив за собою дверь. Здесь он подставил стул и приказал кассиру сесть.

— А теперь, когда мы одни, Проспер, — начал он, — что вы мне можете сообщить?

Кассир вздохнул.

— Ровно ничего, — отвечал он.

— Как? Ничего? Вы все еще настаиваете на этой нелепой, смешной басне, которой никто не поверит? Как это глупо! Признайтесь мне во всем, в этом ваше спасение. Я ваш хозяин, но я также и ваш друг, ваш лучший друг! Я не должен забывать того, что вот уже пятнадцать лет, как вы поручены мне вашим отцом, и что с тех пор вы служили мне верой и правдой. Да, вы уже пятнадцать лет у меня. На ваших глазах я нажил свое состояние, трудясь упорно и постепенно. И по мере того как я богател, я улучшал и ваше положение: еще такой молодой, вы уже у меня служите старшим клерком. С каждым успехом своим я увеличивал и ваше содержание.

Никогда еще патрон не разговаривал с Проспером таким ласковым, отеческим тоном. Кассир удивился.

— Ну скажите, — продолжал господин Фовель. — Разве я не был для вас вторым отцом? С самого первого дня мой дом стал вашим домом. Я хотел, чтобы моя семья была вашей. Вы были моим сыном наравне с обоими моими сыновьями и племянницей Мадленой. Но вы предпочли этой счастливой жизни другую... Вот уже скоро год, как вы начали нас избегать, и наконец...

Воспоминания о прошедшем, разбуженные банкиром, пронеслись в душе несчастного кассира; мало-помалу он растрогался и, закрыв лицо руками, заплакал.

— Своему отцу все можно сказать, — продолжал Андре Фовель, которого тронули эти слезы. — Не бойтесь! Отец не прощает, а забывает. Разве я не знаю тех ужасных искушений, которые овладевают каждым молодым человеком в таком городе, как Париж? Его чары сломили не одну сильную волю. Бывают минуты страсти и увлечения, когда человек теряет контроль над собой, когда он поступает как сумасшедший, точно под гипнозом, не сознавая своих поступков. Говорите же, Проспер, не таитесь.

— Что же мне вам сказать?

— Правду. Человек честный может споткнуться, но он не уронит себя далее и всегда осознаёт свою ошибку. Скажите мне: «Да, я увлекся, я был ослеплен видом этой массы золота, которое было мне поручено, оно смутило мой рассудок, я молод, и у меня есть свои грешки...»

— У меня! — пробормотал Проспер. — У меня!

— Бедный малый, — продолжал печально банкир. — Неужели вы думаете, что я терял вас из виду весь этот год, когда вы перестали бывать у меня? У вас есть завистники, которые не могут простить вам того, что вы получаете жалованья двенадцать тысяч в год. О каждой вашей шалости я уже получаю анонимное письмо. Я могу пересчитать по пальцам каждую из ваших ночей, когда вы играли и сколько вы проиграли. У зависти есть свои глаза и уши, мой милый...

Он остановился, отчаявшись в признании.

— Смелее, Проспер, — начал он опять. — Будьте добрым! Сейчас я выйду, а вы вновь осмотрите кассу. Бьюсь об заклад, что в состоянии волнения вы плохо ее оглядели. Вечером я приду к вам, и я уверен, что вы отыщете в ней если и не все триста пятьдесят тысяч франков, то бо́льшую часть этих денег. И ни я, ни вы — даже и виду не подадим о том, что случилось.

Господин Фовель уже направился к двери, но Проспер удержал его за руку.

— Ваше великодушие бесполезно, — с горечью произнес он. — Я ничего не брал и нечего мне и возвращать. Я все обыскал в кассе, и денег в ней не оказалось. Их кто-то украл. Других объяснений нет.

— Но кто, несчастный, кто?

— Клянусь всем святым, что не я!

Краска разлилась по лицу банкира.

— Так, значит, я? — воскликнул он.

Проспер опустил голову и не отвечал.

— Я сделал все, чтобы вас спасти, — сказал банкир. — А теперь я должен позвать полицию.

— Зовите!

Банкир отворил дверь и, бросив последний взгляд на кассира, отдал распоряжение:

— Ансельм, пригласите сюда полицейского комиссара!

Глава 3

— Без сомнения, до вас уже дошли сведения, — обратился банкир к полицейскому комиссару, когда тот явился, — о тех обстоятельствах, которые вынуждают меня обратиться к вашим услугам?

— Кажется, у вас совершена кража? — отвечал комиссар.

— Да, гнусная, загадочная кража, в этой самой комнате, из этой самой кассы, в которой лежали все наши деньги и отпереть которую мог один лишь мой кассир.

Он указал на Проспера.

— Виноват, господин комиссар, — сказал Проспер хриплым голосом. — Кассу мог отпирать и мой хозяин, так как у него также имеются ключи от нее и ему известно слово, на которое запирается касса.

Комиссар насторожился. Очевидно было, что эти два человека сваливали вину один на другого.

По их собственному признанию, один из них непременно должен был оказаться преступником. Но один из них был главой значительного банкирского дома, а другой — только простым кассиром. Один был хозяином, а другой — приказчиком. Однако комиссар отлично умел разбираться в своих впечатлениях и ни одним жестом не дал понять о том, что он думал. Он лишь пытливо поглядывал то на того, то на другого, точно своим вниманием старался выяснить из их слов наиболее полезное для дела. Проспер по-прежнему был бледен и угнетен, а банкир, напротив, красен как рак и страшно возбужден.

— Похищена громадная сумма, — продолжал Фовель. — У меня украли триста пятьдесят тысяч франков! Эта кража способна повлечь за собою губительные для меня последствия. В настоящее время лишение такой суммы денег может скомпрометировать кредит любой значительной фирмы.

— Вы полагаете, что вор проник со двора? — осторожно спросил комиссар.

Банкир немного подумал.

— Нет, — сказал он, — это вряд ли.

— Я тоже считаю, что нет, — отвечал Проспер.

Комиссар предвидел эти ответы, он ожидал их. И, обратившись к сопровождавшему его человеку, он сказал:

— Господин Фанферло, быть может, что-нибудь ускользнуло из внимания этих господ — осмотрите хорошенько!

Фанферло, прозванный за расторопность Белкой, обыскал все кругом, осмотрел двери, ощупал перегородки, исследовал форточку, поковырял пепел в камине.

— Трудно предположить, — изрек он наконец, — чтобы сюда проник кто-нибудь извне. — И он прошелся по кабинету. — Эта дверь по вечерам запирается? — спросил он.

— Постоянно на ключ.

— А у кого хранится ключ?

— Я оставляю его каждый вечер у служителя, который убирает кабинет, — отвечал Проспер.

— У служителя, — добавил и Фовель, — который каждый вечер подвязывает у порога гамак, спит в нем, а по утрам его убирает.

— Он здесь? — спросил комиссар.

— Да, — кивнул банкир и, отворив дверь, закричал: — Ансельм!

Ансельм служил у Фовеля уже десять лет и пользовался доверием. Он не мог быть заподозрен и знал это. Но так как самая мысль о преступлении ужасна, то дрожал и он.

— Вы спали этой ночью у порога? — спросил его комиссар.

— Да, по обыкновению, сударь...

— В котором часу вы легли?

— Около половины одиннадцатого. Вечер я просидел в соседнем кафе с лакеем господина Фовеля.

— И вы не слышали никакого шума нынче ночью?

— Какой же мог быть сегодня шум? Я очень чутко сплю, и всякий раз, когда хозяин спускается по лестнице осмотреть кассу, я моментально вскакиваю, едва только слышу его шаги.

— И часто по ночам приходит к кассе господин Фовель?

— Нет, напротив, очень редко.

— А в эту ночь?

— Я могу ответственно утверждать, что господин Фовель не приходил, так как от выпитого с лакеем кофе я мучился бессонницей.

— Отлично, любезный, вы свободны.

Ансельм вышел. Фанферло возобновил свои исследования. Он отворил дверь, ведущую на маленькую лестницу к банкиру.

— Куда ведет эта лестница? — спросил он.

— В мой кабинет, — отвечал Фовель.

— Надо ее осмотреть, — сказал Фанферло.

— Это очень легко, — с готовностью согласился Фовель. — Пожалуйста, господа! Идите и вы, Проспер.

Кабинет Фовеля состоял из двух половин: в одной была роскошно убранная приемная, а другая образовывала собственно кабинет. В этих двух комнатах было три двери: одна вела на указанную потайную лестницу, другая — в спальную банкира, а третья выходила на парадную лестницу. Через эту последнюю к банкиру входили клиенты и визитеры.

Фанферло одним взглядом окинул комнату, и его огорчило, что и здесь ясности не добавилось.

— Посмотрим с другого конца, — сказал он и вышел в приемную, а за ним — комиссар и банкир.

Проспер остался один в рабочем кабинете. Он опустился в кресло, стоявшее перед камином, и предался своим мрачным мыслям. Кто же теперь окажется действительно виновным?

В это время отворилась дверь из спальни банкира, и в ней показалась девушка замечательной красоты. Это была племянница Андре Фовеля, Мадлена, о которой он так недавно упоминал.

Увидав Проспера Бертоми в том кабинете, где она ожидала встретить только одного дядю, она не смогла сдержаться и вскрикнула от удивления:

— Ах!

Проспер вскочил, точно пораженный громом.

— Мадлена! — воскликнул он. — Мадлена!

Молодая девушка покраснела, она хотела уже удалиться и сделала шаг назад, но Проспер, будучи не в силах побороть себя, бросился к ней, она протянула руку, и он почтительно ее пожал. Некоторое время они стояли неподвижно и молчали. В волнении они опустили головы, боясь посмотреть друг другу в глаза; имея столько сказать, они не знали, с чего им начать, и молчание продолжалось.

— Это вы, Проспер, вы? — начала наконец Мадлена.

— Да, это я, Проспер, — отвечал он, — друг вашего детства, заподозренный, обвиненный сегодня в постыдном, грязном воровстве. Это Проспер, которого ваш дядя предает суду и который еще до вечера будет арестован и посажен в тюрьму.

Мадлена испугалась, и глаза ее засветились состраданием.

— Боже мой! — воскликнула она. — Что вы говорите?

— А разве вы еще об этом ничего не знаете? Вам ничего не сообщили ни тетя, ни двоюродные братья?

— Ради бога, что случилось? Я ничего не знаю!

Кассир медлил. Быть может, ему хотелось открыть перед Мадленой свое сердце, свои сокровенные мысли, напомнить ей о прошедшем, которое разбило ему жизнь, лишило его веры. Он встряхнул головой и сказал:

— Благодарю вас и за это участие. Это последнее ваше участие ко мне, но позвольте мне избавить вас от неприятности выслушивать горе, а меня — от возможности краснеть перед вами.

Мадлена сделала повелительный жест.

— Я все желаю знать, — сказала она.

— Увы, — вздохнул кассир, — скоро вы и без меня узнаете о моем несчастье и позоре. И тогда вы поймете, что вы сделали.

Она требовала, затем она стала его умолять, но Проспер оставался непоколебимым.

— В той комнате ваш дядя, — произнес он. — Вместе с ним полицейский комиссар и сыщик; они могут сюда войти. Прошу вас, уходите, иначе вас увидят...

С этими словами, несмотря на ее сопротивление, он вывел ее за дверь и затворил ее за нею.

В это время возвратились полицейский комиссар и Фовель. Они осматривали приемную и парадную лестницу и потому не могли слышать того, что происходило в кабинете. Но за них все услышал Фанферло. Эта превосходная ищейка ни на минуту не упускала из виду кассира. Предоставив розыски комиссару и Фовелю, он принялся за наблюдения. Он видел, как отворилась дверь и вошла Мадлена, и не проронил ни взгляда, ни одного жеста в той быстрой сцене, которая произошла между Проспером и Мадленой.

«Так-так, — думал он, — молодой человек любит эту девушку, которая чертовски хороша. Он сам тоже красив и пользуется взаимностью. Этому роману банкир не сочувствует, что очень понятно, и, не зная, как отделаться от этого влюбленного кассира по чести, он и придумал эту комедию, и довольно-таки удачно».

Таким образом, по мысли Фанферло, банкир сам себя обокрал, а невиновный кассир оказался только козлом отпущения. Но это убеждение полицейского агента в данный момент было мало полезно для Проспера.

«Пусть все идет, как идет, — продолжал сыщик, — а я останусь в стороне со своим особым мнением. Стоит только пошпионить еще немножко, и я сорву маску с этого негодяя».

Успех казался трудным, сомнительным, но Фанферло верил в свой гений.

Покончив с осмотром верхнего этажа, перешли опять в кабинет Проспера. Комиссар, спокойный вначале, стал выказывать признаки тревоги. Приближался момент принять то или иное решение, он не готов был его принять и нарочно медлил.

— Как видите, господа, — начал он, — наши исследования привели нас к первым предположениям. Какого вы мнения, господин Фанферло?

Сыщик не отвечал. Занятый осмотром в увеличительное стекло замка в кассе, он стал делать жесты, полные удивления. Без сомнения, он напал на след. Комиссар, Фовель и Проспер подскочили к нему.

— Что такое? — спросил банкир.

— Так, пустяки... — отвечал сыщик. — Я пришел к заключению, что эта касса была отперта или заперта сегодня ночью, я не знаю как, но только силой и очень второпях.

— Как так? — спросил комиссар.

— Видите эту царапину на дверце, которая бежит от замка?

— Вижу, но что же из этого?

— Ровно ничего. Это именно то, на что я и хотел указать.

Но мысли Фанферло были совсем иного сорта. Эта царапина, свежая, чего нельзя было отрицать, имела для него свое особое значение, которое было непонятно для других. Она убедила его, что кассир, укради он из кассы хоть миллион, не мог бы нанести ее уже в силу привычки отпирать замок. Наоборот, банкир, приходя ночью, тайком, боясь разбудить служителя у порога, имел основания дрожать, торопиться и, попадая ключом мимо скважины, мог сделать такую царапину!

— Я прихожу к заключению, — обратился сыщик к комиссару, — что никто чужой сюда не проникал. Для посторонних эта касса совершенно недоступна. На буквах замка не осталось ровно ничего подозрительного. Я утверждаю, что для открытия кассы не было употреблено никакого инструмента, кроме ключа, никакой отмычки. Тот, кто отпер кассу, знал слово и имел в своем распоряжении ключ.

Это формальное утверждение покончило с медлительностью комиссара.

— Мне остается только сказать несколько слов господину Фовелю, — обратился он к присутствующим.

— Я к вашим услугам! — отвечал банкир.

Проспер понял, выразительно положил на стол шляпу, чтобы дать понять, что он вовсе не имеет намерения скрыться, и вышел в соседнюю канцелярию.

Фанферло последовал за ним, но комиссар сделал ему едва уловимый жест, на который тот ответил утвердительно. Жест этот означал: «Вы ответите мне за этого человека».

Сыщик не придавал этому особого внимания, так как его подозрения были гораздо шире, и его желание добиться истины было слишком сильно для того, чтобы согласиться потерять из виду Проспера. Вот почему, выйдя в канцелярию, он забрался в самый темный угол и, несколько раз потянувшись и сладко зевнув так, что чуть не сломал себе челюсть, закрыл глаза. А Проспер уселся за письменный стол, и приказчики, горя нетерпением узнать подробности, окружили его со всех сторон, но не решались пока расспрашивать.

Наконец рискнул Кавальон.

— Ну как? — любопытствовал он.

— Неизвестно... — пожал плечами Проспер.

А затем он достал листок бумаги и поспешно написал на нем несколько строк.

«Эге! — подумал Фанферло. — Маленькие излияния перед бумагой! Кажется, мы кое-что узнаем!»

Написав записку, Проспер тщательно ее запечатал, вложил в книжку и, бросив украдкой взгляд на сыщика, все еще делавшего вид, что дремлет в своем уголке, передал эту книжку Кавальону.

— Жипси! — сказал он ему одно только слово.

Все это было исполнено так хладнокровно и с таким привычным видом, что Фанферло, которого не удалось бы провести на мякине, и тот был этим поражен.

«Черт возьми, — подумал он. — Для невинного в этом молодом человеке слишком много желудка и нервов — гораздо больше, чем у меня опыта. Надо наблюдать!»

А тем временем комиссар говорил Фовелю:

— Теперь уже нет сомнения, милостивый государь, в том, что вас обворовал именно этот молодой человек. Долг повелевает мне принять против него меры. От судебного следствия уже будет зависеть продолжать или отменить его лишение свободы.

— Бедный Проспер! — проговорил банкир.

Позвали кассира. Он явился в сопровождении Фанферло. Ему объявили, что его арестуют.

— Клянусь, что я невиновен! — отвечал кассир просто, без малейшего ломания.

Банкир, взволнованный больше, чем его кассир, ухватился за последнюю надежду.

— Еще есть надежда, сын мой... — сказал он. — Во имя Неба, говорите все!

Проспер не слушал. Он вытащил из кармана небольшой ключ от кассы и положил его на камин.

— Вот ваш ключ от кассы... — сказал он. — Я надеюсь, что настанет день, когда вы узнаете, что я не брал у вас ни сантима. Долго ждать не придется! Вот вам ваши книги, бумаги, вот все, что будет необходимо моему преемнику. При этом я должен сказать, что помимо украденных трехсот пятидесяти тысяч франков в кассе есть еще один дефицит!

Дефицит! Это слово, слетевшее с уст кассира, точно обухом поразило всех присутствующих. Они встрепенулись.

— В кассе недостает еще трех тысяч пятисот, — продолжал Проспер. — Они израсходованы так: две тысячи франков я взял себе в счет жалованья, а полторы тысячи отдал служащим. Сегодня последний день месяца, и так как завтра следовало уже платить жалованье, то я и...

Его прервал комиссар.

— А вы имеете на это полномочия? — резко спросил он его.

— Нет, но господин Фовель не отказал бы мне в позволении сделать приятное сослуживцам. Так принято повсюду. Так поступал здесь и мой предшественник.

Банкир жестом согласился с этим.

— Что же касается лично меня, — продолжал кассир, — то я, по-видимому, имел на это право уже потому, что все свои сбережения, до пятнадцати тысяч франков, я вложил в этот же банкирский дом.

— Это совершенно верно, — подтвердил и Фовель. — Господин Бертоми имеет у меня счет именно на эту сумму.

Миссия комиссара была уже закончена. Он объявил, что уходит, и приказал кассиру следовать за собой.

— Я к вашим услугам, — произнес Проспер, нисколько не теряя присутствия духа.

Комиссар взял свой портфель и, простившись с Фовелем, сказал кассиру:

— Пойдемте!

И они вышли.

— Боже мой! — пробормотал банкир при их уходе. — Пусть лучше бы украли у меня вдвое больше, чем мне лишиться бедного Проспера и потерять к нему уважение!

Эта фраза не ускользнула от внимания Фанферло и породила в нем уверенность, что она сказана неспроста. Он вышел из кабинета последним, задержавшись в поисках зонтика, которого никогда не имел, и услышал это.

Всю дорогу до управления у него не выходила из головы мысль о записке Проспера, находившейся теперь в кармане у Кавальона. Но как добыть ее? Попросту арестовать Кавальона, припугнуть его и потребовать от него записку, а в случае надобности прибегнуть к силе? Сыщику приходило в голову и такое. Фанферло был убежден, что записка эта была адресована не молодому приказчику, а третьему лицу. Но если сцапать Кавальона, то ведь он может налгать и указать совсем не на то лицо. Поразмыслив, сыщик решил, что было бы наивным просить о записке, когда попросту ее можно перехватить. Подслушать Кавальона, проследить за ним и застать его на месте преступления, когда ему уже нельзя будет отпереться, было делом незамысловатым. Поэтому, выйдя на улицу, он вошел в ворота дома напротив банкирской конторы и спрятался в них. Здесь просидел он довольно долго. Но он был терпелив, так как ему приходилось не раз уже простаивать в течение целого дня или целой ночи напролет в ожидании добычи.

Наконец в дверях банкирского дома показался Кавальон. Выйдя на улицу, он пристально огляделся направо и налево. Видно было, что он задумал нечто, но не решается исполнить.

«Он чего-то опасается...» — подумал Фанферло.

Затем молодой приказчик отправился в путь, добрался до Монмартрского предместья и ступил в улицу Нотр-Дам-Деларет. Он шел так быстро, что сыщик едва мог поспевать за ним. Дойдя до улицы Шанталь, Кавальон свернул в нее и вошел в дом № 39.

Не пройдя и трех шагов по узкому коридору, он почувствовал, как кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и очутился лицом к лицу с Фанферло. Сразу узнав его, он побледнел и хотел уже бежать, но сыщик преградил ему дорогу.

— Что вам угодно? — спросил он Фанферло дрожащим голосом.

— Сегодня утром, — отвечал сыщик, — Проспер Бертоми тайком передал вам какую-то записочку.

— Вы ошибаетесь, — сказал Кавальон и покраснел до ушей. Фанферло объяснил ему, как было дело.

— Пожалуйста, не отрицайте этого, — попросил он. — Иначе вы заставите меня пригласить тех четырех приказчиков, в присутствии которых записка была вам действительно передана. Она написана карандашом и свернута в несколько раз.

Приказчик понял, что запыряться не следует, и изменил свой план.

— Да, это верно... — сказал он. — Я получил от Проспера записку, но так как она была адресована лично ко мне, то я прочитал ее, разорвал и кусочки бросил в огонь.

— Позволю себе заметить, сударь, что это не совсем так: записка была вручена вам для передачи Жипси.

Жест отчаяния убедил сыщика, что он не ошибся.

— Клянусь вам... — начал молодой человек.

— Не клянитесь, пожалуйста, милостивый государь! — перебил его Фанферло. — Никакие клятвы не помогут. Вы вошли в этот дом именно для того, чтобы передать записку, и она у вас в кармане.

— У меня ее нет!

— Нет, вы сообщите мне ее содержание... — продолжал сыщик вкрадчивым голосом. — Поверьте, что без серьезных поводов...

— Никогда! — ответил Кавальон.

И, улучив момент, сильным движением он вырвался из рук Фанферло и бросился бежать. Но сыщик оказался сильнее и быстрее его.

— Берегитесь, молодой человек! — сказал ему Фанферло. — Вам хуже будет! Потрудитесь показать мне записку!

— У меня ее нет!

— Отлично! Значит, вы толкаете меня на крайние меры? Да знаете ли вы, до чего вас может довести ваше упорство? Я позову сейчас двух городских, они станут у вас по бокам и сведут вас в полицию, а там уже не прогневайтесь: я обыщу вас насильно. Мне уже надоело!

— Вы сильнее меня... — отвечал Кавальон. — Я повинуюсь.

И он достал из портфеля злосчастную записку и передал ее Фанферло.

Руки сыщика задрожали от удовольствия, и он стал читать ее:

«Дорогая Нина!

Если ты меня любишь, то скорее, не медля ни минуты, без всяких рассуждений, повинуйся мне. По получении этого письма возьми все, что у тебя находится, — абсолютно все — и скройся где-нибудь в номерах на другом конце Парижа. Скройся так, как будто бы тебя вовсе нет и на свете. От этого, быть может, зависит моя жизнь. Меня обвиняют в краже, и я буду арестован. В столе лежат пятьсот франков. Возьми их. Оставь твой адрес Кавальону, который объяснит тебе все, чего я не могу тебе написать. Торопись скорее.

Проспер».

— Кто же эта госпожа Нина Жипси? — спросил Фанферло. — Без сомнения, это знакомая Проспера Бертоми?

— Это его любовница, — отвечал Кавальон.

— Она живет здесь, в доме тридцать девять?

— Вы это знаете... Недаром же я вошел сюда.

— Она снимает квартиру на свое имя?

— Нет, она живет у Проспера.

— В котором этаже?

— В первом.

Фанферло тщательно сложил записку и сунул ее к себе в карман.

— Я сам передам эту записку госпоже Жипси, — произнес он.

Кавальон хотел было возражать, но Фанферло сказал ему:

— Советую вам возвратиться к вашим занятиям, молодой человек.

— Но ведь Проспер мой покровитель, он вытащил меня из нищеты, он мой друг!

— Зная, что вы так преданы кассиру, могут хватиться вас и истолкуют это в дурную сторону.

— Проспер невиновен, я знаю это!

— А если он будет обвинен, то это ваше признание может быть принято за соучастие в его преступлении.

Кавальон опустил голову. Он был сражен.

— А потому послушайте меня, молодой человек, — продолжал Фанферло. — Возвратитесь к своим занятиям! До свидания!

Молодой человек повинился. А Фанферло поднялся по лестнице и позвонил в дверь первого этажа, в квартиру Проспера Бертоми. Ему отворила девочка лет пятнадцати, кокетливо одетая.

— Госпожа Нина Жипси? — спросил сыщик.

При виде Фанферло с запиской в руках девочка не знала, как отреагировать.

— Мне поручено передать ей послание от господина Проспера, — сказал он и подождал ответа.

— Войдите, я сейчас доложу.

Имя Проспера подействовало, и Фанферло ввели в гостиную.

— Черт возьми! — проговорил сыщик при виде роскошной обстановки. — А кассир устроился недурно.

Но он не мог продолжать своих наблюдений, так как раздвинулась портьера и вошла госпожа Нина Жипси. Она была очень хороша собою, и ее красота была настолько необычайна, так заявляла о себе, что даже Фанферло был ослеплен и приведен в смущение.

«Ах, черт возьми! — подумал сыщик, вспоминая благородную, строгую красоту Мадлены, которую видел так недавно. — У него положительно недурной вкус, даже очень, очень недурной!»

— Что вам угодно? — спросила дама, презрительно прищурившись.

Другой на месте Фанферло смутился бы этим взглядом и тем тоном, с которым произнесена была эта фраза. Но все его внимание было поглощено изучением этой молодой женщины.

«Она недобра, нет! — подумал он про нее. — И, кажется, невоспитанна...»

Он помедлил с ответом. Нина нетерпеливо топнула ногой.

— Да вы скажете наконец-то, что вам угодно, или нет? — крикнула она.

— Мне поручено, сударыня, передать вам послание от господина Бертоми... — начал он вкрадчивым голосом.

— От Проспера? Разве вы его знаете?

— Да, сударыня, я имею честь быть его знакомым, и, простите за смелость, я один из его друзей.

Он вытащил из кармана записку, отнятую им у Кавальона, и подал ее госпоже Жипси.

— Читайте! — сказал он.

Она надела пенсне и пробежала записку одним взглядом. Сначала она побледнела, потом покраснела; нервная дрожь пробежала по ней с ног до головы. Ее колени затряслись. Она пошатнулась. Думая, что она упадет, Фанферло приготовился поддержать ее и протянул к ней руки. Но она была не такова. Она пошатнулась, но не позволила себе упасть. Она собралась с силами, ухватила своими миниатюрными ручками за руки сыщика, сжала их и стала плакать.

— Объясните, ради бога, — сказала она. — Что все это значит? Не известно ли вам содержание этой записки?

— Увы... — отвечал он.

— Проспера хотят арестовать, его обвиняют в воровстве!

— Да. Предполагают, что он украл из кассы триста пятьдесят тысяч франков.

— Это ложь! — воскликнула молодая женщина. — Это бесчестно и нелепо. Проспер — и вдруг украл! Какой это вздор! Красть! Да я для чего? Разве у него нет денег?

— Это совершенно верно, сударыня... — подтвердил сыщик. — Но утверждают, что господин Бертоми вовсе не так богат и что, кроме

жалованья, у него ничего больше и нет.

Этот ответ смутил госпожу Жипси.

— Однако же, — возразила она, — я всегда видела у него много денег! Небогат... Как же тогда...

Она не закончила фразу, посмотрела на Фанферло, и глаза их встретились.

«Так это, значит, он воровал для меня, для моих прихотей?» — говорил ее взгляд.

«Может быть!» — ответил ей взгляд Фанферло.

Но уже через десять секунд к молодой женщине вернулось все ее прежнее самообладание. Сомнение оставило ее.

— Нет! — воскликнула она. — К несчастью, Проспер никогда не украл бы для меня. Кассир полными горстями мог бы загребать для любимой женщины из кассы, порученной ему целиком, и его оправдали бы за это все, — но Проспер не таков: он меня не любит и никогда не любил. Для меня он воровать не станет!

— Подумали ли вы о том, что говорите? — возразил Фанферло.

Она печально покачала головой; слезы застилали блеск ее прекрасных глаз.

— Да, подумала, — отвечала она, — и это так на самом деле. Он готов исполнить малейшую мою прихоть, скажете вы? Что ж из этого? Если я говорю, что он меня не любит, то я в этом совершенно убеждена и сознаю это отчетливо. Только один раз в моей жизни меня любил один господин всей душой, и за это я страдаю вот уже целый год, так как поняла теперь сама, какое несчастье приносит любовь без ответа. А в жизни Проспера я — ничто, так — случайный эпизод.

— Тогда зачем же он живет с вами?

— Зачем? Вот уже целый год как я напрасно ломаю себе голову над этим вопросом, таким ужасным для меня, а я ведь женщина! Я наблюдала за ним, как только может наблюдать женщина за человеком, от которого зависит ее судьба, но — напрасный труд! Он добр, мил, но это и все. У него слишком сильная воля. Это не человек, а сталь!

В порыве чувств Нина позволила заглянуть к себе в самую глубину души человеку, которому доверяла и в личных качествах которого нисколько не сомневалась, хотя он был ей совершенно незнаком. Она

видела в нем друга Проспера, и этого было для нее совершенно достаточно.

Что касается Фанферло, то он внутренне восхищался собой, своим счастьем и умением обращаться с людьми. Нина дала ему самые ценные указания; теперь он знал отлично, с каким человеком имел дело, а это было уже половиной успеха.

— Говорят, что Бертоми игрок? — спросил он как бы вскользь. Госпожа Жипси пожала плечами.

— Да, он играет... — ответила она. — На моих глазах он выигрывал и проигрывал громадные суммы без малейшей тревоги. Он играет без страсти, без увлечения, без удовольствия, точно обедает или пьет. Нет, он играет, но он не игрок. Иногда я боюсь его: мне представляется, что это тело без души. И этот человек мог бы украсть? Какой вздор!

— А он не рассказывал вам о своем прошлом?

— Он? Да ведь я же говорила вам, что он меня не любит!

Она заплакала, и крупные слезы медленно покатались у нее по щекам.

— Но я люблю его! — воскликнула она, и глаза ее засветились. — И я должна спасти его! О, я сумею говорить и с ничтожеством — патроном, который его обвиняет, и перед судом, и перед всем светом! Пойдемте, милостивый государь, и вы увидите, что еще до наступления вечера или он будет освобожден, или же вместе с ним буду арестована и я. Вот так-то.

Фанферло постарался успокоить ее.

— Чего вы достигнете этим, сударыня? — сказал он ей. — Ровно ничего. Поверьте мне, успех сомнителен и вы этим только скомпрометируете себя. Кто поручится в том, что вас не примут за соучастницу господина Бертоми?

Но то, что испугало Кавальона, что заставило его так трусливо отдать порученную ему записку, только - подстрекнуло энтузиазм госпожи Жипси и заставило ее следовать вдохновению сердца.

— Ничего я не боюсь! — воскликнула она. — Я не верю этому, а если бы это так и случилось, то и отлично: он оценит мою попытку

спасти его. Я уверена в его невинности, а если он и виновен, пусть так: я разделю с ним его судьбу!

Настойчивость Жипси становилась небезопасной. Она торопливо набросила на плечи мантию, надела шляпу и, как была, в пеньюаре и в туфлях, готова была идти ко всем судьям Парижа.

— Едемте! — потребовала она нетерпеливо.

— Я к вашим услугам, сударыня, — ответил Фанферло. — Поедемте. Но только, пока не поздно, позвольте вам заметить, что этим мы окажем Просперу очень плохую услугу.

— Почему? — спросила она.

— А потому, что он, вероятно, уже выработал свой план защиты. Знаете ли вы, что, явившись к нему в то самое время, как он приказывает вам скрыться, вы тем самым, быть может, разрушите его самые надежные средства к самозащите?

Госпожа Жипси помедлила немного. Она, видимо, оценивала значение слов Фанферло.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ